

Вторая часть

ИНДИВИДУАЦИЯ

I

Функция бессознательного

Предназначение, возможная цель находится за пределами тех альтернативных представлений, о которых шла речь в предыдущей главе. Это путь индивидуации. Индивидуация означает становление «не-делимым» («in-dividual») (От лат. in-dividuus — «неделимый», но еще и «неразделенный», «неразведенный», «нерасщепленный». — *Прим. пер.*

), и коль скоро «индивидуальность» включает в себе нашу глубочайшую, крайнюю и бесподобную особенность, она также подразумевает становление человека самим собой. Поэтому мы могли бы истолковать индивидуацию как «путь к себе» или как «самоосуществление».

Рассмотренные в предыдущих главах возможные пути развития, были, по сути, отчуждением самости (= отдалением от себя. — А. А.), способами лишения самости ее реальности в пользу внешней роли или воображаемого значения. В первом случае самость отступает на задний план, уступая место социальному признанию; в последнем — она отступает перед само-внушенным значением изначального образа. В обоих случаях коллективное имеет превосходство. Отказ от себя в пользу коллектива соответствует общественному идеалу; самоотречение даже слывет общественным долгом и добродетелью, хотя им также можно злоупотреблять в эгоистических целях. Эгоистов (egoists) называют «заботящимися о себе» (selfish

), но это слово конечно же не имеет ничего общего со значением слова «(сам)ость», в каком я его здесь употребляю. С другой стороны, самоосуществление кажется противостоящим самоотречению. Это довольно распространенное заблуждение, вызванное недостаточным разграничением индивидуализма и индивидуации. Индивидуализм означает умышленное подчеркивание и возвышение предполагаемого своеобразия личности в ущерб коллективным интересам и обязательствам. Индивидуация же подразумевает как раз лучшее и более полное осуществление человеком своих коллективных качеств, так как соответствующее внимание к своеобразию индивидуума в большей мере способствует лучшему исполнению

социальных ролей, чем пренебрежение этим своеобразием или его подавление. Свообразие индивидуума нельзя понимать как всякую необычность или странность его субстанции (

substance

) (Вероятно, Юнг использует здесь понятие субстанции и самом общем смысле, как носители явления. —

Прим. пер.

)

или его компонентов; гораздо правильнее будет понимать своеобразие как уникальное соединение или постепенную дифференциацию функций и способностей, которые сами по себе универсальны. На лице любого человека есть нос, два глаза и т. д.. но эти универсальные, родовые особенности вариабельны, и именно их вариабельность делает возможным факт индивидуальных особенностей каждого лица. Поэтому индивидуация может лишь означать процесс психологического развития, осуществляющего данные индивидуальные особенности; другими словами, индивидуация — это процесс, благодаря которому человек становится определенным, уникальным существом, каковым он в действительности и является. Осуществляя себя, он однако не становится «эгоистичным» (

selfish

) в обычном смысле этого слова, но просто реализует своеобразие своей природы, а это, как мы уже говорили, совсем не похоже на эгоизм или индивидуализм.

Далее, коль скоро человеческий индивидуум, как живая единица, состоит из исключительно универсальных факторов, он целиком и полностью коллективен и потому ни в каком отношении не противопоставлен коллективной организации.

Следовательно, индивидуалистическое подчеркивание своей собственной специфичности противоречит этому основному факту живого бытия. С другой стороны, индивидуация стремится к живому взаимодействию всех факторов. Но поскольку универсальные факторы всегда проявляются лишь в индивидуальной форме, то их полный учет также будет производить индивидуальный результат, при том единственный в своем роде, который невозможно превзойти ничем иным, и менее всего индивидуализмом.

Цель индивидуации — не что иное, как освобождение самости от фальшивых оберток персоны, с одной стороны, и лишение изначальных образов их суггестивной силы, — с другой. Из всего сказанного в предыдущих главах, должно быть достаточно ясно, что такое персон с психологической точки зрения. Но когда мы обращаемся к другой стороне, именно, влиянию коллективного бессознательного, то обнаруживаем, что попадаем в темный внутренний мир, гораздо более трудный для понимания, чем психология персоны, доступная, в принципе, любому нормальному человеку. Всякий знает, что значит «напускать на себя официальный вид» или «играть социальную роль». С помощью персоны человек пытается выглядеть тем или иным, либо скрывается за

маской, а то и сооружает себе определенную персону в качестве баррикады. Так что проблема персоны не должна бы представлять больших интеллектуальных трудностей.

Однако, совсем другое дело общедоступно описать те тонкие внутренние процессы, которые вторгаются в сознательный ум с такой суггестивной силой. По-видимому, лучше всего мы можем изобразить эти влияния с помощью примеров душевных болезней, творческого вдохновения и религиозного обращения. Пре-восходное описание такой внутренней трансформации, — взятое, так сказать, из жизни, — можно найти в новелле Г. Дж. Уэллса «*Отец Кристины Альберты*». Изменения подобного рода описаны также в великолепно написанной книге Леона Доде [

еоп

Daudet

,

L

,

Heredo

,

Paris

, 1916]. Обширный материал содержится в

«*Мно-гообразии религиозного опыта*»

У. Джемса. Хотя во многих такого рода случаях замешаны некоторые внешние факторы, либо прямо обуславливающие изменения личности, либо по крайней мере создающие возможность таких изменений, все же это далеко не всегда те случаи, когда внешний фактор служит достаточным объяснением этих изменений. Мы должны признать тот факт, что интересующие нас изменения личности могут быть следствием субъективных внутренних причин, мнений и убеждений, когда внешние стимулы или вовсе не играют никакой роли, или их роль весьма незначительна. При патологических изменениях личности это, можно сказать, даже является правилом. Случаи психозов, которые представляют собой ясную и простую реакцию на губительное внешнее событие, относятся скорее к исключениям. Поэтому, для психиатрии, врожденная или приобретенная патологическая предрасположенность составляет весьма важный этиологический фактор. То же самое, вероятно, справедливо и для большинства случаев творческой интуиции, ибо вряд ли можно предположить чисто причинную связь между падением яблока и теорией тяготения Ньютона. Подобным же образом все религиозные обращения, которые невозможно проследить до суггестии и заразного примера в качестве их непосредственной причины, опираются на независимые от

каких-либо внешних влияний внутренние процессы, достигающие апогея в изменении личности. Как правило, эти процессы имеют характерную особенность, являясь подпороговыми, то есть бессознательными, вначале и достигающими сознания только постепенно. Момент вторжения может, однако, быть совершенно внезапным, так что сознание мгновенно затопляется потоком крайне странных содержаний, о существовании которых, казалось бы, трудно было даже подозревать. Именно такое мнение может сложиться у неспециалиста или даже у самого субъекта такого опыта, но

профессиональный наблюдатель знает, что психологические события никогда не происходят вдруг. На самом деле это вторжение подготавливается в течение многих лет, а часто подготовка к нему занимает полжизни, и уже в детстве можно было бы обнаружить весь набор знаменательных признаков, которые в более или менее символической манере намекают на будущие ненормальные события. Мне вспоминается, в качестве примера, один душевнобольной, отказывавшийся от любой пищи и создававший невероятные трудности в связи назальным кормлением. Фактически, каждый раз требовалась анестезия для того, чтобы можно было ввести пищевой зонд через нос. Больной умудрялся каким-то удивительным способом заглатывать свой язык, проталкивая его назад и глотку, что было тогда для меня совсем новым и неизвестным фактом. В период ясного сознания я услышал от него следующую историю. Еще мальчиком он часто обдумывал идею — как можно покончить с собой даже тогда, когда использовались бы любые мыслимые меры, чтобы помешать ему. Сначала он пытался сделать это задерживая дыхание, пока не обнаружил, что в полубессознательном состоянии он против своей воли снова начинал дышать. Поэтому он оставил эти попытки и подумал: может быть, он добьется своего, если откажется от пищи. Эта фантазия удовлетворяла его до тех пор, пока он не открыл для себя, что питание ему могут вливать через назальную полость. Тогда он стал обдумывать, как можно было бы перекрыть и этот вход. Так он натолкнулся на мысль проталкивать свой язык назад. Сначала его постигла неудача; тогда он начал регулярно упражняться и делал это до тех пор, пока, наконец, не преуспел в заглатывании собственного языка примерно тем же способом, как это иногда непреднамеренно случается под наркозом, а в его случае, по-видимому, и результате искусственно вызванного расслабления мышц корня языка.

Вот таким странным образом действий этот мальчик готовил почву для будущего психоза. После второго приступа он стал неизлечимым. Это лишь один пример среди многих других, но и его достаточно, чтобы показать, как последующее, кажущееся со стороны неожиданным вторжение чуждых содержаний на самом деле оказывается вовсе не неожиданным, а скорее представляет собой результат бессознательного развития, продолжавшегося годами.

Следующий важный вопрос: в чем заключаются эти бессознательные процессы? И как они конституируются? Разумеется, пока эти процессы остаются бессознательными, о них невозможно ничего сказать. Но время от времени они сами обнаруживают себя — частично в симптомах, частично в действиях, мнениях, аффектах, фантазиях и сновидениях. С помощью такого доступного наблюдения материала мы можем сделать косвенные выводы относительно положения и устройства бессознательных процессов на текущий момент и их развития. Однако, не следует заблуждаться насчет того, что тогда бы нам удалось раскрыть!, действительную природу бессознательных процессов. Мы никогда не продвинемся в ее понимании дальше гипотетического «как если бы».

«Смертным не дано проникнуть в глубины природы», — и даже в глубины бессознательного. Мы знаем, однако, что бес-сознательное никогда не остается в покое. Кажется, будто оно всегда в действии, ибо и во сне мы видим сновидения. Хотя многие люди заявляют, будто никогда не видят снов, вполне вероятно, что они просто не помнят своих сновидений. Знаменательно, что разговаривающие во сне люди обыкновенно не помнят ни сновидения, которое помогло им начать говорить по сне, ни даже того, что им вообще что-то снилось. Не проходит и дня, чтобы мы не допустили обмолвку, или чтобы из нашей памяти не ускользнуло что-то такое, что в другое время мы твердо помним, или чтобы нас не охватило настроение, причину которого мы не можем установить и т. д. Все это — признаки устойчивой бессознательной активности, которая становится не-посредственно видимой по ночам в сновидениях, но лишь время от времени прорывается через запреты нашего дневного сознания.

Насколько позволяет наш сегодняшний опыт, мы можем утверждать, что бессознательные процессы находятся в компенсаторном отношении к сознательному уму. Я специально употребляю слово «компенсаторный», а не «противоположный», потому что сознательное и бессознательное не обязательно находятся в оппозиции друг к другу, а дополняют одно другое, образуя целокупность (*totality*), которая и есть *самость*.

Согласно этому определению, самость представляет собой величину высшего порядка по отношению к сознательному эго. Самость охватывает не только сознательную, но и бессознательную психику, и потому является, скажем так, личностью, коей мы *также*

являемся. Достаточно легко представить себе, что мы обладаем душой-частью. Поэтому мы можем, например, без особого труда сознавать себя в качестве персоны. Но создание ясной картины того, что мы представляем из себя как самость, не по силам нашему воображению, ибо в этом действии часть должна была бы охватить целое. И нет надежды па то, что мы когда-либо сможем достичь даже приблизительной сознательности самости, ибо как бы мы не старались увеличить область сознаваемого, всегда будет существовать неопределенное и неопределимое количество бессознательного материала, принадлежащего целокупности самости. Следовательно, самость всегда будет оставаться супраординатной величиной.

Бессознательные процессы, компенсирующие сознательное эго, содержат в себе все те элементы, которые необходимы для саморегулирования души (*psyche*) в целом. На личном уровне, эти элементы представляют собой непризнаваемые сознательно личные мотивы, обнаруживающие себя в сновидениях, или не учтенные нами значения повседневных ситуаций и не сделанные выводы, или сдержанные чувства и критику, от которой мы воздержались. Но чем больше мы осознаем себя вследствие самопознания и ведем себя соответственно, тем меньше будет становиться слой личного бессознательного, который накладывается пов

ерх

коллективного бессознательного. Таким образом возникает сознание, которое больше не заключено в ограниченном, сверхчувствительном, частном мире эго, а свободно принимает участие в более широком мире объективных интересов. Это расширенное сознание — уже не тот обидчивый, эгоистический комок личных желаний, страхов, надежд и амбиций, всегда требовавший компенсации или корректировки со стороны бессознательных контртенденций. Теперь оно выполняет функцию установления отношений с множеством объектов, включая индивидуума в неограниченное, обязывающее и неразрывное общение с миром в целом. Возникающие на этой стадии осложнения представляют собой уже не конфликты эгоистических желаний, а общие трудности, касающиеся нас в той же мере, как и других. В принципе, на этой стадии речь идет о коллективных проблемах, которые активировали коллективное бессознательное, так как они требуют коллективной, а не личной компенсации. Теперь мы можем увидеть, что бессознательное вырабатывает содержания, имеющие силу (valid

) не только для «обремененной» им личности, но и для других, фактически, для очень многих, а возможно и для всех людей.

Представители племени, живущего в тропических лесах центральной Африки (в районе горы Элгон), объяснили мне, что есть два вида сновидений: обычный сон маленького человека и «великое сидение», которое приходит только к великому человеку, например, к знахарю или вождю. Обычным сновидениям значения не придают, но если кому-то приснился «большой сон», он созывает все племя, чтобы рассказать его всем.

Как человек узнает, было ли его сновидение «большим» или «маленьким»? Оказывается, по инстинктивному чувству значительности. Он чувствует себя настолько переполненным впечатлением от увиденного сна, что никогда бы и не подумал скрыть это сновидение от других. Он *просто должен* рассказать его, исходя из психологически верного предположения, что оно значимо для всех. Даже у нас сновидения, содержащие коллективные мотивы, вызывают чувство важности, побуждающее к сообщению. Такое сновидение — следствие конфликта взаимоотношений, и потому должно быть встроено в наши сознательные отношения, так как оно компенсирует именно их, а вовсе не какую-то внутреннюю личную причуду.

Процессы коллективного бессознательного затрагивают не только более или менее личные отношения индивидуума к своей семье или более широкой социальной группе, но и его отношения к обществу и человечеству в целом. Чем более общим и безличным оказывается состояние (condition), запускающее реакцию бессознательного, тем более значительным, причудливым и непреодолимым будет компенсаторное проявление последнего. Оно не просто побуждает людей к личному общению, а доводит их до

откровения и исповеди, или даже до драматическою пред-ставления своих фантазий.

Поясню на примерах, как бессознательное ухитряется компенсировать взаимоотношения. Однажды ко мне пришел лечиться довольно надменный господин. Он занимался коммерцией на пару с младшим братом. Между братьями установились весьма натянутые отношения, и это стало одной из существенных причин невроза у моего пациента. Из того, что он мне сообщил, было не вполне ясно, в чем же действительная причина напряженности их отношений. В запасе у него был полный арсенал критических замечаний с адрес младшего брата и, само собой разумеется, он не слишком старался показать его способности в выгодном свете. Брат часто появлялся в сновидениях моего пациента и всегда в какой-то из трех ролей: Бисмарка, Наполеона или Юлия Цезаря. Его дом походил на Ватикан или на Yıldiz. Kiosk. Его бессознательное явно испытывало потребность повысить положение младшего брата. Из этого я заключил, что мой пациент ставил себя слишком высоко, а своего брата — слишком низко. Дальнейший ход анализа полностью подтвердил этот вывод.

Одна юная пациентка, проявлявшая крайне сентиментальную привязанность к матери, всегда видела ее в зловещих снах. Там мать появлялась в облике ведьмы, призрака или преследующего сновидицу демона. Мать избаловала ее выше всякого оправдания и настолько ослепила нежностью, что дочь не могла сознательно разглядеть пагубного материнского слияния. Отсюда и компенсирующая критика, осуществленная бессознательным.

Однажды и мне случилось слишком низко — как в интеллектуальном, так и в моральном отношении — оценить одну из моих пациенток. Во сне я увидел замок на высоком утесе; на самой верхней башне замка был балкон и там сидела моя пациентка. Я без колебаний рассказал этой пациентке, что, как и следовало ожидать, имело наилучшие последствия.

Всем известно, как легко мы ставим себя в глупое положение перед теми, кого несправедливо недооценили. Конечно, может случиться и прямо противоположное, как это однажды произошло с моим другом. В те годы еще зеленый студент, он написал Вирхову, известнейшему патологу, письмо, прося аудиенции у «его превосходительства». Когда, дрожа от страха, он предстал перед Вирховым и попытался назвать себя, то выпалил: «Моя фамилия Вирхов». После чего «его превосходительство», озорно улыбаясь, сказал: «А! Так ваша фамилия тоже Вирхов?» Чувство собственной ничтожности оказалось явно не по вкусу бессознательному моего друга, и, в результате, оно тотчас же побудило его представиться как равному Вирхову

в величии.

В этих более личных отношениях конечно же нет нужды в сколь-нибудь по-настоящему коллективных компенсациях. На-против, в нашей первой истории использованные бессознательным фигуры имеют определенно коллективную природу: это герои мировой истории. Здесь возможны два толкования: либо младший брат моего пациента — человек признанный, обладающий большим весом в обществе; либо мой пациент переоценивает свою собственную важность не только по отношению к брату, но и ко всем остальным людям. Для первого предположения нет никакого основания, тогда как очевидность второго, как говорят, бросается в глаза. Поскольку крайнее высокомерие этого человека затронуло не только его самого, но гораздо более широкую социальную группу, компенсация воспользовалась коллективным образом.

То же самое справедливо и в отношении второй истории «Ведьма» — это коллективный образ. Исходя из этого мы должны заключить, что слепое доверие молодой женщины в той же мере относилось к более широкой социальной группе, в какой оно относилось к ее матери лично. И это на самом деле имело место, поскольку она все еще жила в исключительно инфантильном мире, где весь остальной мир отождествлялся с ее родителями. Приведенные примеры касаются отношений внутри личной сферы. Но существуют и безличные отношения, которые время от времени требуют бессознательной компенсации. В таких случаях коллективные образы приобретают более или менее мифологический характер. Моральные, философские и религиозные проблемы, вследствие их действительности для всех людей, должны, по всей вероятности, требовать мифологической компенсации. В упомянутой выше новелле Г. Дж. Уэллса мы находим классический тип компенсации: мистер Примби, карликовая личность, обнаруживает, что он не кто иной, как перевоплощение Саргона, царя царей (Саргон — царь). (XXIV в. до н. ..). основатель обширной державы Двуречье с центром в Аккаде. Согласно легенде сделаться царем ему помогла влюбившаяся в него богиня Иштар. Подробнее см.: Мифы Народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1988. — Т. 2. С. 409—410. — *Прим. пер.*). К счастью, гений автора выручает бедного старого Саргона из патологически глупого положения и даже дает читателю шанс ощутить трагический и вечный смысл в этом жарком скандале. Мистер Примби, полное ничтожество, сознает себя точкой пересечения всех прошедших и грядущих времен. Легкое безумие — не слишком дорогая цена за это знание, при условии, что в конечном счете чудовище изначального образа не сжирает Примби, хотя в действительности ему едва удалось избежать этого.

Универсальная проблема зла и греха составляет другой аспект наших безличных отношений к миру. Поэтому, едва ли не больше всякой другой, эта проблема вызывает коллективные компенсации. Одному из моих пациентов, шестнадцатилетнему юноше, в

качестве начального симптома тяжелого невроза навязчивости приснился следующий сон:

Он идет по незнакомой улице. Темно. Вдруг он слышит за собой шаги. От страха он идет быстрее. Шаги приближаются, и его страх растет. Он пускается бежать, но шаги, кажется, догоняют его. Наконец он оборачивается и видит дьявола. В смертельном ужасе он прыгает вверх и повисает в воздухе.

Этот сон повторился дважды, что является признаком его безотлагательности.

Увы, хорошо известно, что неврозы навязчивости, вследствие свойственных им мелочной щепетильности и обрядовой педантичности, не только имеют внешнюю видимость моральной проблемы, но действительно до краев наполнены нечеловеческими безобразиями и жестоким злом, против объединения с которыми в одно целое и вступает в отчаянную борьбу в остальном тонко организованная личность. Это объясняет, почему так много дел приходится выполнять в церемониально «корректном» стиле, как если бы нужно было противодействовать злу, притаившемуся в тени. После этого сновидения начался невроз, существенная черта которого состояла в том, что пациенту, употребляя его выражения, нужно было поддерживать себя в «подвешенном» или «неоскверненном» состоянии чистоты. Ради этой цели он либо обрубал, либо лишал «действительности» все отношения с миром и со всем тем, что напоминало ему о бренности человеческого существования, добиваясь этого при помощи безумных формальностей, скрупулезных очистительных обрядов и заботливого соблюдения бесчисленных правил и предписаний невероятной сложности. Еще до того, как у пациента появились какие-то подозрения об ожидавшем его адском существовании, сновидение показало ему, что если бы он захотел снова опуститься на землю, ему пришлось бы заключить договор с дьяволом.

В другом месте я описал сновидение, иллюстрирующее компенсацию религиозной проблемы у одного молодого студента теологии («Archetypes of the Collective Unconscious» (Collected Works
Vol
. 9
1)
pars

. 71.). Он запутался во всякого рода разногласиях в толковании верования, что нередко случается с современными людьми. И вот во сне он оказался учеником «белого мага», одетого, однако, во все черное. Тот поучал его до какого-то момента, а затем сказал, что теперь им нужен «черный маг». Тут появился «черный маг», одетый, впрочем, во все белое, и заявил, что нашел ключи от рая, но нужна мудрость «белого мага», чтобы понять, как ими пользоваться. Это сновидение явно содержит в себе проблему противоположностей, которая, как известно, нашла в даосизме решение, весьма отличное от взглядов, преобладающих в западной культуре. Используемые сновидением фигуры представляют собой безличные коллективные образы, соответствующие природе безличной религиозной проблемы. В противоположность христианскому взгляду сновидение подчеркивает относительность добра и зла в том смысле, который сразу вызывает в памяти даосский символ — Инь и Ян.

Из подобных компенсаций не следует непременно заключать, будто стоит только сознательному уму углубиться в универсальные проблемы, как бессознательное поспешит произвести соразмерные широкомасштабные компенсации. Есть еще то, что можно было бы назвать законным и незаконным интересом к безличным проблемам. Такого рода экскурсии законны лишь тогда, когда они возникают из глубочайших и подлинных потребностей индивидуума; незаконны же они в том случае, когда представляют собой либо чисто интеллектуальное любопытство, либо бегство от неприятной действительности. В последнем случае бессознательное производит «слишком человеческие» и чисто личные компенсации, цель которых очевидна — вернуть сознательный ум к обыденной реальности. Людям, незаконно отправляющимся в погоню за бесконечным, часто снятся смехотворно банальные сны, имеющие целью охладить их пыл. Таким образом, из характера компенсации мы сразу можем сделать выводы относительно серьезности и правомерности сознательных устремлений.

Конечно, есть немало людей, которые не отваживаются признать, что бессознательное могло бы иметь «великие» идеи. Они будут возражать: «Неужели вы действительно думаете, будто бессознательное способно предложить что-то подобное конструктивной критике, являющейся достоянием нашего западного образа мысли?» Конечно, если подходить к проблеме интеллектуально и навязывать бессознательному рациональные интенции, предмет дискуссии лишается всякого смысла. Никогда не нужно стремиться навязать нашу сознательную психологию бессознательному. Его ментальность инстинктивная; оно не располагает дифференцированными функциями и не «мыслит» в том смысле, какой мы вкладываем в понятие «мышления». Бессознательное просто создает образ, который есть реакция и ответ на сознательную ситуацию. Этот образ содержит в себе столько же мысли, сколько и чувства, и, пожалуй, является всем чем угодно, только не продуктом рационалистического обдумывания. Такой образ было бы лучше охарактеризовать как прозорливое видение художника. Мы склонны забывать, что проблема, похожая на ту, что легла в основу упомянутого последним сновидения, даже для сознательного ума сновидца выступает не

как интеллекту-альная, а как глубоко эмоциональная проблема. Для высоко-нравственного человека этическая проблема — это жгучий вопрос. уходящий корнями как в глубочайшие инстинктивные процессы, так и в его самые идеалистические стремления. Для нею эта проблема катастрофически реальна. Поэтому неудивительно, что и ответ вырастает из глубин его природы. То обстоятельство, что каждый. думает, будто его психология есть мера всех вещей, и если, к тому же, уродившись глупым, кто-то сочтет такую вот проблему незаслуживающей его внимания, нимало не должно беспокоить психолога, ибо он обязан относиться к вещам объективно, воспринимая их таковыми, какие они есть, а не искажать их в пользу своих субъективных предположений. Более одаренные и восприимчивые природы могут законно оказаться захваченными безличной проблемой, и в той степени, в какой это происходит, их бессознательное способно ответить им в том же стиле. И так же как сознательный ум может задать вопрос: «Почему существует этот ужасный конфликт между добром и злом?», так и бессознательное может ответить: «Приглядиись, внимательнее! Одно нуждается в другом. Самое лучшее, именно потому что оно самое лучшее, несет в себе зародыш зла, и нет ничего настолько плохого, чтобы из него не могло вырасти ничего хорошего».

Тогда сновидцу могло бы прийти в голову, что этот якобы неразрешимый конфликт, возможно, всего лишь предубеждение, настрой ума, обусловленный временем и местом. Сложный с виду образ-сновидение может и легко раскрывать свой простой, инстинктивный здравый смысл, крошечный зародыш рациональной идеи, до которой более зрелый ум мог бы с таким же успехом додуматься сознательно. Во всяком случае китайская философия додумалась до нее много веков назад. Единственно подходящая для этой цели пластичная форма мысли является прерогативой того первобытного, природного духа, который жив и в нас, но только затемнен односторонним сознательным развитием. Когда мы рассматриваем бессознательные компенсации под этим углом зрения, нас по праву можно упрекнуть в том, что мы судим о бессознательном с заведомо сознательной позиции. И действительно, выстраивая эти рассуждения, я всегда исходил из того взгляда, что бессознательное просто реагирует на сознательные содержания, хотя и весьма знаменательно, но все же не по своей инициативе. Однако, я далек от намерения создать впечатление, будто бессознательное во всех случаях исключительно реактивно. Напротив, есть множество свидетельств, которые вроде бы доказывают, что бессознательное действует не только стихийно, но действительно может брать на себя инициативу. Просто не счесть случаев, когда люди застревали во вздорщай по пустякам бессознательности, только чтобы стать наконец невротиками. Благодаря такому неврозу, изобретенному бессознательным, они вытряхиваются из своей апатии, — и это происходит несмотря на их собственную лень и часто отчаянное сопротивление.

Все же, по-моему, было бы неверно думать, что в таких случаях бессознательное действует по преднамеренному и согласованному плану, стремясь реализовать

определенные цели. Я ничего не обнаружил для поддержки этого предположения. Дви-жущей силой — насколько мы вообще способны ее постичь — здесь, по-видимому, выступает одно лишь побуждение к само-осуществлению. Если бы это было делом некоторого общего телеологического плана, тогда все, кто обладает Избытком бес-сознательности, в обязательном порядке продвигались бы к более высокому уровню сознательности под действием неодолимого побуждения. Но это не совсем так. Широкие слои населения, несмотря на их печально известную бессознательность, никогда даже не приближаются к неврозу. Те немногие, кто наказан такой судьбой, и есть, собственно, «высшие» люди, по разным причинам слишком долго остававшиеся на примитивном уровне. Их натура не выносит долгого пребывания в том состоянии, которое является для них неестественным оцепенением. В ре-зультате узости своей сознательной перспективы и ограничен-ности своего существования они сберегают энергию, которая постепенно накапливается в бессознательном и, наконец, прорывается и форме более или менее острого невроза. Этот простой механизм вовсе не обязательно таит в себе какой-то «план». Вполне понятного побуждения к самоосуществлению было бы достаточно для совершенно удовлетворительного объяснения его действия. Кроме того, здесь можно, по-видимому, говорить о задержке созревания личности.

Поскольку скорее всего нам еще очень далеко до заветной вершины абсолютной сознательности, то, вероятно, каждый из нас способен к расширению сознания, и соответственно можно допустить, что бессознательные процессы постоянно снабжают нас содержаниями, которые при условии их сознательно усвоения, способствуют расширению диапазона сознания. Рас-считываемое в этом отношении, бессознательное выглядит как поле опыта неограниченной протяженности. Если бы оно было просто реактивным по отношению к сознательному уму, его вполне можно было бы назвать психическим зеркальным миром. В таком случае, действительный источник всех содер-жаний и всякой активности находился бы в сознательной психике, а в бессознательном не было бы абсолютно ничего, кроме искаженных зеркальных отражений содержаний созна-ния. Творческий процесс был бы замкнут в сознательном уме, и все новое было бы не чем иным, как сознательным изо-бретением или умением. Эмпирические факты опровергают это. Любой творческий человек знает, что спонтанность составляет самое существо творческой мысли. Поскольку бес-сознательное — это не реактивное зеркальное отражение, а самостоятельная продуктивная активность, его сфера опыта образует автономный мир, о котором мы можем только сказать, что он воздействует на нас, как и мы на него, — то же самое. что мы можем сказать о нашем познании внешнего мира. И так же как материальные объекты выступают составляющими элементами этого мира, так психические факторы составляют объекты того, другого мира.

Идея объективности психического — отнюдь не новое откры-тие. Фактически, она относится к самым ранним и всеобщим приобретениям человечества: ведь это не что

иное, как убежденность в реальном существовании мира духов. Мир духов, безусловно, не был изобретением в том смысле, в каком добывание огня трением было таковым; уверенность в существовании мира духов в гораздо большей степени является результатом опыта, сознательного принятия действительности, ни в чем не отличающегося от сознательного принятия материального мира. Я сомневаюсь, чтобы вообще существовали такие примитивные народы, которые не были бы знакомы с магическим воздействием или магическим веществом. («Магический» — просто другое слово для обозначения «психического».) Вероятно, столь же очевидно, что практически все примитивные народы признают существование духов (В случаях сообщения обратного, нужно всегда помнить: боязнь духов иногда так велика, что люди фактически будут отрицать существование каких-либо духов из страха перед ними. Я сам столкнулся с этим среди племен, обитающих на горе Элгон.). «Дух» — это психический факт. Так же как мы отличаем нашу собственную телесность от других, «не наших» тел, так и примитивы — если они вообще имеют какое-либо понятие о «душах» — проводят различие между их собственными душами и духами, причем последние воспринимаются ими как чужие и «находящиеся где-то там». Духи — объекты внешней перцепции, тогда как собственная душа (или одна из душ там, где допускается их множественность) хотя и считается по существу состоящей с родстве с духами, обычно не является объектом так называемого чувственного восприятия (*sensible perception*). После смерти душа (или одна из многих душ) становится духом, который продолжает жить вместо умершего человека, часто демонстрируя заметное ухудшение характера, что отчасти противоречит идее личного бессмертия. Батаки (Joh. Warnecke, «Die Religion der Batak»,

В

Julius Boehmson (Reel.).)

с острова Суматры доходят до утверждения, будто люди, бывшие добрыми в этой жизни, после смерти превращаются в злых и опасных духов. Почти все, что примитивы говорят о тех выходках, которые духи проделывают над живыми, равно как и их общее представление о внешности

reveants

(

Привидений

(фр.). — Прим. пер.),

до последней детали соответствуют феноменам, установленным в ходе спиритических сеансов (

spiritualistic

experience

). И так же как сообщения из «загробного мира» могут, вероятно, рассматриваться в качестве активности «отломленных» кусков души, так эти первобытные духи могут пониматься как проявления бессознательных комплексов (Ср.

«The Psychological Foundations of Belief in Spirits», в The

Structure and Dynamics of the Psyche (Collet-led Works,

Vol. 8).).

Важное значение, придаваемое современной психологией «родительскому комплексу», объясняется прямым продолжением опыта первобытного человека в отношении опасной власти родовых духов. Даже та ошибка суждения, что ведет дикаря к опрометчивому

предположению, будто духи — это реальности внешнею мира, находит свое продолжение в нашем (лишь отчасти верном) допущении, что фактические родители ответственны за роди-тельский комплекс. В старой теории травмы фрейдовского пси-хоанализа и даже за ее пределами это допущение претендует на статус научного объяснения. (Именно с целью избежать путаницы я отстаивал термин «родительский образ») (Этот термин («

imago

») был занят психоанализом, однако в аналити-ческой психологии его в значительной степени заменили термины «изначальный образ родителя» или «родительский архетип». — Ред.

Th

e

Collected Works.

).

Простой человек, конечно, не сознает того, что его ближайшие родственники, оказывающие на него непосредственное влияние, создают у него образ, линии, отчасти являющийся их копией, отчасти же состоящий из элементов, получаемых от себя самого. Имаго, или образ родителей постепенно создается благодаря воздействию родителей, дополняемому специфическими реакци-ями ребенка; и именно поэтому такой образ отражает объект с весьма существенными «оговорками». Конечно, простой человек верит, что его родители таковы, какими он их видит. Этот образ бессознательно проецируется, и когда родители умирают, про-ективный образ продолжает действовать, как если бы он был духом, который существует сам по себе. Дикарь в этом случае говорит о духах родителей, возвращающихся по ночам (revenants), тогда как современный человек называет это отцовским или материнским комплексом.

Чем больше ограничено поле сознания человека, тем много-численнее психические содержания [images], которые посещают его в качестве квазивнешних видений: либо в образе духов, либо в виде магических сил, спроецированных на живых людей (вол-шебников, ведьм и т. д.). На несколько более высокой ступени развития, где уже существует идея души, не все такие «образы» [imagos] продолжают проецироваться (там же, где это случается, даже деревья и камни говорят). Какой-то из комплексов стано-вится уже достаточно близким сознанию, чтобы больше не ощу-щаться чужим. Теперь он становится «своим», даже «принадле-жащим» субъекту. Тем не менее, ощущение того, что он «при-надлежит», поначалу еще не настолько сильно, чтобы комплекс воспринимался как субъективное содержание сознания. Он ос-тается как бы на ничейной земле между сознательным и бес-сознательным, в полутени, отчасти принадлежащим или родст-венным сознательному субъекту, отчасти же являясь автономным существом, каковым и предстает перед сознанием. Во всяком случае, этот комплекс необязательно послушен намерениям субъ-екта; он может даже занимать более высокое положение по сравнению с субъектом, почти всегда являясь источником

вдохновения, предостережения или «сверхъестественной» информации.

Психологически такое содержание можно было бы объяснить как частично автономный комплекс, который еще не полностью интегрирован. Архаические души,

Ба

и

Ка

египтян, представляют собой комплексы такого рода. На еще более высокой ступени развития и, особенно, среди западных цивилизованных народов этот комплекс всегда женского рода (

anima

и

у

и

с

h

) (Душа

(лат.

и

греч.).

—

Прим. пер.

) — факт, в отношении которого нет недостатка в более глубоких и убедительных соображениях.